

«ТЕПЕРЬ ДРУГОЙ
АВТОР СИДИТ
В ЭТОМ ТУЛОВИЩЕ...» 3

Беседа с писателем
Дмитрием Глуховским

ЕСТЬ ТАКАЯ
ПРОФЕССИЯ –
ЛОДЫРЬ 9

ИКАР
В ОТКРЫТОМ
КОСМОСЕ 21

#19
(2369)

книжное обозрение

WWW.KNIGOBOZ.RU

выходит с 5 мая 1966 года

4 КУРЕХА
ИЩЕТ
КЛАД

Постсоветская сказка
Марии Ряховской

6 ПОДЕРЖАННЫЕ
ЛЮДИ –
НЕДОРОГО

Смысл жизни
по Ромену Гари

19 МАЛЕНЬКИЙ
ИСПУГАННЫЙ
ДАТЧАНИН

Так ли страшен
Ларс фон Триер?

НОВОСТИ

Безграничный английский

Литературная премия «Букер» (The Man Booker Prize) — одна из самых престижных наград в англоязычном мире, однако до сих пор претендовать на нее могли не все авторы, пишущие на английском языке. До этого года номинироваться на премию могли писатели из стран Содружества наций (куда входит Великобритания и ее бывшие колонии, доминионы и протектораты, в их числе Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка), Ирландии или Зимбабве. С сезона 2014 года, по словам председателя фонда премии Джонатана Тейлора, «Букер» «отказывается от сдерживающих географических рамок и национальных границ». На премию могут номинироваться произведения, написанные на английском языке и выпущенные в Великобритании, вне зависимости от гражданства автора. «Мы выбираем свободу английского языка во всем его разнообразии, силе, жизнеспособности и великопечии где бы то ни было», — заявил Джонатан Тейлор, объявляя о принятом решении. Переговоры о расширении, точнее, устранении границ «Букера» шли с 2011 года. Сначала комиссия попечительского совета премии, которая рассматривала этот вопрос, предлагала создать отдельную номинацию для писателей из США — на сайте премии даже появилось официальное объявление о возможности номинации на «Букер» произведений американских писателей. Однако всего спустя несколько дней организаторы объявили о том, что «Букер» стал всемирным. В этом году все пройдет по старым правилам — в последний раз. 10 сентября был объявлен список из шести номинантов: британец Джим Крейс и его роман «Урожай», ирландец Колм Тойбин с «Заветами Мэри», новозеландка Элеонора Каттон с книгой «Светила», британка индийского происхождения Джумпа Лахири («В низине»), Новайолет Булавай из Зимбабве («Нам нужны новые имена») и канадско-американская писательница Рут Озеки («Сказка о бытии»). Церемония награждения состоится в октябре.

Король и джентльмен

Артуриана глазами современных писателей (стр. 5)

книжное обозрение

pro

Читайте в выпуске «PRO»:

Россия готовится к участию во Франкфуртской книжной ярмарке;
Началось выдвижение номинантов на профессиональную премию «Человек книги».
Напоминаем нашим читателям, что список новых книг, а также рейтинги бестселлеров
зарубежной литературы вы сможете найти только в PROфессиональной версии
«Книжного обозрения», распространяемого только по подписке.
Следующий номер «Книжного обозрения» выйдет 14 октября с.г.

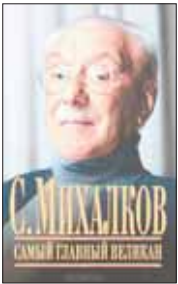
НОВОСТИ

книга недели

«Я был советским писателем»

«...Сколько у тебя внуков?» — «Ой, не знаю». — «А правнуков?» — «Ну, я точно не могу сказать». — «А ты следишь вот так вот, общим таким взглядом за семьей — кто? Где? Внуки? Правнуки?» — «Внуки, правнуки — нет. Внуки — еще туда-сюда, еще меня интересуют, а вообще правнуки — нет. Я не люблю этих маленьких, которые... Я знаю, что они будут стариками... грязными... А я вообще стариков не люблю». Это Никита Сергеевич интервьюирует Сергея Владимировича для фильма «Отец». В книге — киноповесть: «покадровая галерея» семьи Михалковых, со всем косноязычием диалогов, убрать их было бы кошунством, по мнению составителей. «Скажи, пожалуйста, вот тебе девяносто... О чем жалеешь?» — «Что не сто».

С.Михалков. Самый главный великан/ Сост. Л.Салтыкова, В.Максимов. М.: АСТ, 2013. — 448 с.: ил. 3000 экз. (n) ISBN 978-5-17-077955-0

«Структура» повествования проста: сначала слово — главному герою, потом сыновьям, потом «деятелям культуры и политики» (волей-неволей приходится обобщать: «Он хороший человек! Хороший!» — самый большой раздел книги, тут и Валентин Гафт, и Виктория Токарева, и Лариса Васильева, и Борис Ефимов, и Генрих Боровик... И даже архимандрит Тихон (Шевкунов): «...вот эти, так сказать, постоянные его ходатайства и о простых людях, и о людях известных, и о талантах, и о неудачниках, и о церкви, — такое мог в то время позволить себе, в общем-то, только юродивый»). То, как именно человек рассказывает о ком-то, многое говорит и о нем самом. Например, стиль Александра Проханова: «Будичи (именно так!) истинным аристократом, не мнимым, а настоящим, он был также наделен большим количеством исторических калорий». Или Олега Табакова: «...дядя Сережа, как я его называл. Почему так называл? Потому что он был смешной, с огромным и моментальным юмором. Он видел многое. О многом не говорил. “Высоко сижу, далеко гляжу”, как в сказке о девочке Маше, которая с медведем сотруничала». «Мы говорили о бабах, о сексе, о крайне неприличных вещах, и всю жизнь звали его дадой», — Егор Михалков-Кончаловский. Эпоха на фоне портрета, написанного крупными мазками... Получился ли? — Пожалуй. Связи, Гимны, фамилия... Но — человек. Про человека-то — интереснее. «...все от Бога — и судьба от Бога». Ольга Воронина

Алхимик двадцатого века

Путь этого человека в науку и литературу впечатляет — получив два высших образования: в Московском химико-технологическом и в Литературном институтах, став кандидатом химических наук и доктором философских, он наиболее известен как поэт, прозаик, переводчик и литературовед. Вадим Рабинович был для нашего времени человеком уникальным, и неслучайно многие его книги посвящены исследованию алхимии как феномена средневековой культуры. Цельность и уникальность личности, ее гармоничное существование в мире материальном, наконец, ее самосовершенствование волновали его в научных исследованиях и отражались в художественном творчестве: «Я праздную мир этот в лицах — / И солнечных, и лунолицых, / С платочками синего ситца — / Всяк дорог мне — этот и тот...». Он родился 20 февраля 1935 года в Киеве, но большую часть жизни прожил в Москве. Работал в Институте человека РАН, был профессором философского факультета МГУ имени Ломоносова, заведовал сектором «Языки культур» Российского института культурологии. Выпустил три книги стихов. Вадим Рабинович ушел из жизни 18 сентября.

Те, кто помнят

Дипломанты IX Всероссийской историко-литературной премии «Александр Невский» были объявлены 19 сентября. Первой премии удостоен проект «Роман под открытым небом», посвященный наследию Михаила Шолохова (Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова, Ростовская обл., ст. Вешенская), вторая премия досталась проекту «Семья императора Александра III в Гатчине» (Музей-заповедник «Гатчина», Ленинградская обл., г. Гатчина); а лауреатом третьей премии стал проект «СЛАВА-ПАМЯТЬ», посвященный памяти Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (Дирекция «Военно-исторические музеи», Болгария, г. Плевен). Специальными премиями награждены: «Митрополит Платон (Левшин). 1737—1812. К 200-летию памяти» (Сергиево-Посадский Государственный историко-художественный музей-заповедник), «Она шила для нас Россию...», посвященный памяти М.В. Ляпиной-Поленовой (Государственный мемориальный историко-художественный и природный музей-заповедник В.Д. Поленова, Тульская обл., с. Страхово), «Военно-историческая экспозиция Музея боевой славы Третьего Ратного поля России» (Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле», Белгородская обл., пос. Прохоровка), «Музыка и мужество», рассказывающий о блокадном Ленинграде через историю создания Седьмой симфонии Д.Д. Шостаковича (Народный музей «А музы не молчали...» средней школы №235 им. Д.Д. Шостаковича, г. Санкт-Петербург), «С любовью и верой», созданный к 165-летию со дня рождения чувашского просветителя И.Я. Яковлева (Музей «Симбирская чувашская школа. Квартира И.Я. Яковлева», г. Ульяновск), «Мемориальный музей президента двух академий Е.Р. Дашковой» (Средняя общеобразовательная школа им. Е.Р. Дашковой, Калужская обл., г. Кременки). В литературном конкурсе отмечены писатели-историки. Первую премию получил Владимир Бондаренко «Лермонтов: Мистический гений» (изд-во «Молодая гвардия»), вторую премию — Владимир Лобов «Александр I и его военно-политическая деятельность» (из-во «Логос»), третью премию — Александр Воловик «Сказание о государстве Российском» (из-во «АЛВО»). Специальными премиями отмечены: Архимандрит Алексей, игумен Иннокетий «Хозяин Москвы. Святой князь Даниил Московский и его обитель», Екатерина Боярская «Боярские. Петербургская династия», Борис Белоголовый «Один из нас», Юрий Савельев «Николай Владимирович Султанов. Портрет архитектора эпохи историзма», Виктор Лавров, Ирина Холмова «Петербург по старому стилю», Александр Мясников «Властители Отечества».

Издания, отрецензированные в номере

Акройд П. Король Артур и рыцари Круглого стола	5	Покровская О. Булочник и Весна.	15
Бьюри Дж.Б. Варвары и Рим. Крушение империи	15	Русская драма и литературный процесс: К 75-летию А.М. Журавлевой	10
Васильев А. Детская мода Российской Империи.	7	Ряховская М. Записки одной курехи.	4
Владимирский В. Драконы и звездолеты: Очерки о фантастах	20	Сарсенова К. Песня сердца	15
Гари Р. Большая барахолка	6	Сивери Ж. Филипп Август	15
Гейде М. Стекланные волки	10	Сизова Ж. Монохон: Короткие истории о жизни в Иркутске ..	10
Глуховский Д. Будущее: Роман-утопия	20	Сутер М. Лила, Лила	6
Грегори Л. Sew Iconik. 10 легендарных платьев Голливуда ..	24	Тесля А. Первый русский национализм... и другие	10
Грин Б. Икар на краю времени	21	Тишков Л. Как стать гениальным художником, не имея ни капли таланта	10
Грозданович Д. Искусство почти ничего не делать	8	Толстая Е. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург	10
Джойс Г. Как подружиться с демонами	4	Торсен Н. Меланхолия гения. Ларс фон Триер. Жизнь, фильмы, фобии	19
Дюрас М. Неповторимое обаяние Лолы Валери Штайн	6	Тронина Т. Огненный Марс	10
Занимательные истории из жизни русских Государей и замечательных людей. В 2-х томах	15	Унсет С. Легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола	5
Кудрявицкий А. Летучий голландец: Симфоническая поэма ..	4	Фрейзер Дж. М. Флэшмен в большой игре	15
Легенды о героях: Робин Гуд, Вильгельм Тель	21	Холидей Р. Верьте мне — я лгу!	9
Лик А. Смерть ничего не решает	9	Хорошилова О. Костюм и мода Российской империи: Эпоха Николая II	7
Нисбетт Р. Что такое интеллект и как его развивать. Роль образования и традиций	8	Чиксентмихайи М. Эволюция личности	8
Новые 100 мест, где исполняются желания	15	Широкоград, А.Б. Тысячелетняя битва за Царьград	15
Пазолини П.П. Неверная заря: Стихотворения	10		
Пишенин А. Saga о Хельги	9		

выбор редакции

1 Мальчишки лысеют, полнеют, стареют, продолжают при этом играть в казаков и разбойников, искать прекрасную принцессу, упрямо утверждать, что их молодость вечна... и все-таки становятся настоящими мужчинами. По-разному, с большими и малыми жертвами. Подробности — в новом сборнике рассказов Александра Терехова.

Терехов А. День, когда я стал настоящим мужчиной. М.: АСТ, 2013. — 348 с.

2 До «Приключений Алисы в Стране чудес» были «Приключения Алисы под землей» — рукописная книжка, которую Кэрролл украсил собственными рисунками и подарил Алисе Лидделл. Теперь с «первой версией» великого сюрреалистического путешествия любознательной девочки может познакомиться и русский читатель.

Кэрролл Л. Приключения Алисы под землей / Пер. с англ. Н. Демуровой. М.: ТриМар, 2013. —176 с.

Коротко и ясно

Премия в области научно-популярной литературы «Просветитель» объявила «короткий список». Из 25 книг, ранее вошедших в лонг-лист, только семь стали финалистами: три книги по естественным и точным наукам, четыре — по гуманитарным. В «короткий список» естественно-научного блока вошли: Дмитрий Жуков «Стой, кто ведет? Биология поведения человека и других зверей», М.: Альпина нон-фикшн, 2013; Петр Образцов «Удивительные истории о существах самых разных. Тайны тех, кто населяет землю, воду и воздух», М.: Ломоносовъ, 2012; Александр Петров «Гравитация. От хрустальных сфер до кротовых дыр», Фрязино: Век-2, 2013. В гуманитарном блоке приблизились к победе следующие произведения: Александр Васькин «Москва, спаленная пожаром». Первопрестольная в 1812 году», М.: Издательство «Спутник+», 2012; Дмитрий Копелев «Раздел океана в 16-18 веках. Истоки и эволюция пиратства», СПб.: Крига, 2013; Вера Мильчина «Париж в 1814—1848 годах. Повседневная жизнь», М.: Новое литературное обозрение, 2013; Виктор Сонькин «Здесь был Рим», М.: АСТ: Corpus, 2013. Также в этом году жюри премии вручит специальный приз «За лучшую биографию». Всего выдвинуто три биографии: Сергей Беляков «Гумилев сын Гумилева», Борис Тененбаум «Великий Черчилль» и Максим Чертанов «Дарвин». Торжественная церемония награждения лауреатов состоится 21 ноября.

Аллея нобелиатов

В Белгороде 26 сентября открыли памятник Александру Солженищину — это первый памятник писателю в России. Скульптор Анатолий Шишков изобразил Солженищина сидящим на табурете в лагерных ботинках и с книгой в руках. Монумент установлен на аллее нобелевских лауреатов Белгородского государственного университета — здесь уже стоят памятники Ивану Бунину и Михаилу Шолохову. По словам губернатора области Евгения Савченко, в будущем будут установлены памятники и другим русским нобелиатам — Иосифу Бродскому и Борису Пастернаку. Александр Солженицын был удостоен Нобелевской премии по литературе в 1970 году «за нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы». Писатель скончался в Москве в 2008 году в возрасте 89 лет.

Лермонтов и Кавказ

Министерство культуры РФ этой осенью проведет конкурс на лучший сценарий фильма о Михаиле Лермонтове. Конкурс приурочен к грядущему празднованию двухсотлетия со дня рождения поэта — он родился в ноябре 1814 года в Москве. Одна из главных тем конкурса — жизнь Лермонтова на Кавказе. Как отметил министр культуры Владимир Мединский, именно в кавказском периоде жизни поэта сложился «сгусток интересных тем — и война, и творчество, и история, и любовь, и трагическая гибель, и кавказская проблема, и очень интересные отношения Лермонтова с кавказцами».

3 Однажды древние финские боги заметили, что финский народ уже ооочень давно перестал им поклоняться. Расстроились и послали Сына Бога Грома проводить среди населения разъяснительную работу. А поскольку описывать все это взялся Арто Паасилинна, «объязычивание» Финляндии очень скоро приобрело... неожиданные очертания.

Паасилинна А. Сын Бога Грома / Пер. с финск. Т.Мельник. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2013. — 320 с.

«Писатели — заложники ампулы, как киноактеры...»

Беседовала
Вера Копылова

Он заработал славу на фантастическом романе «Метро 2033» — но теперь, после выхода в свет книги «Будущее», несомненно, эту славу потеряет. Философский, семейный, футурологический роман вряд ли придется по вкусу аудитории «Метро». А вот придется ли он по вкусу (или: будет ли по зубам) любителям классической прозы и профессиональному сообществу? Мы поговорили с Дмитрием Глуховским на отвлеченные темы. (Рецензию на «Будущее» читайте на стр. 20).

— По вашему мнению, каково ваше место в иерархии современной литературы? И изменится ли оно после того, как будет прочитано «Будущее»?

— Это место — оно как двухметровая яма на кладбище, оно обычно посмертно определяется. Сегодня, думаю, у меня в русской литературе никакого места нет. Во-первых, я всегда заигрывал с жанрами — фантастика, мистика, триллеры, — а критики от жанра нос воротят. Во-вторых, потому что избыточные тиражи тоже вызывают у тех людей, которые распределяют места в русской литературе, брезгливость. Спросите вон у Данилкина какого-нибудь — где тут место Глуховского? Он вам скажет: нет для него места. Но это и хорошо: я-то пока пожить планирую.

— В цивилизованном обществе как считается: должен быть писатель бедным или нет? Вот сейчас я общаюсь с небедствующим писателем!

— Писатель имеет право быть удовлетворенным желудочно, при условии, что неудовлетворен душевно. Желание доказать себя, голод признания и свершений, тоска — вот лучшее, что может двигать писателем и поэтом. От счастливой любви не пишут, пишут от неразделенной. Успешные таланты тупятся; гляньте вот на Михалкова — окаменел прижизненно. Я так говорю — а сам, конечно, испытываю некоторый стыд от того, что езжу на иномарке и живу в своем доме. Всегда задаю себе этот вопрос: имеет ли русский писатель право на свой дом и на иномарку? Или, если не бывал на каторге и не пишет, чтобы вернуть издатель долги, не считается он русским писателем? И это вот отчет: русский писатель — оракул. От него ждут, что он истины ведает. Что он такое про душу человеческую знает, про бытие и про смерть, про мироустройство, чего простой человек и царь не знают и не узнают сами никогда.

— Вы серьезно считаете, что этого от него все еще ждут? До сих пор?

Но если он не прошел через каторгу и войну, если не нищенствовал и не страдал — как он узнает это про жизнь и про смерть? Если всегда просиживал портки в кабинете или прожигал несправедливые гонорары в Сан-Тропе — что он знает о русской душе? Думаю, от Настоящего Русского Писателя ждут этого. А впрочем, это меня волновать не должно, потому что, как мы выяснили в первом вопросе, я все равно не Настоящий Русский Писатель, будь я хоть трижды нищ и шей варежки в Краснокаменске.

— Расскажите, как создавалось «Будущее», из какого зернышка оно проклюнулось?

— Вот тебе, пятилетнему, дед, достав из какого-то спрятанного на чердаке сундука, дарит

старинные офицерские часы с туманным стеклом и исчириканным бело-железным корпусом.

Первый день ты в полном восторге, на второй ты похвастался всем друзьям, а на третий начинаешь скучать, закрываешься в комнате и разбираешь часы. Начинаешь разбираться, как все устроено — и уже немного разочаровываешься. Потому что это механизм, а не магия. И времени в них не видно, а видно пружинные потемневшие. Ковыряешься, ковыряешься — а собрать обратно не можешь. И все, хана. Ничего не остается — ни волшебства, ни механизма, одни шестеренки, по столу разбросанные. Зачем вам знать, как книга устроена? Никак она не устроена. Не из чего не состоит. Монолитный кусок малахита, начало XXI века.

— Оруэлл, Замятин, другие классики антиутопии — на кого из них вы опирались?

— Оруэлл и Замятин — школьная программа. Они просто объясняют, какой должна быть антиутопия, ведь это они жанр и изобрели. Но они оба мягкие очень, стеснительные, у них наглости такое написать не наберешься. Я бы скорее о Берджессе как о референсе говорил, о Литтеле с его «Благовольтельницами»: все-таки, главный герой «Будущего» — подонок и психопат, хотя читатель к нему и проникается сочувствием по ходу пьесы. — Вы говорите, герой — подонок. Хотя на самом деле он человек, насквозь пропитанный системой. Он верит в систему, верит в ее идеологию, считает гордостью быть частью карательного отряда. Он от этого становится плохим?

— Я, когда так говорю, просто читателя готовлю немного. Перинку ему постилаю. Потому что мой читатель — он к другому привык. Какие у меня раньше герои были? Интеллигенты, очкарики, слабаки. Я таких людей хорошо понимаю. Это ровно половина меня. А вторую половину я раньше к клавиатуре не пускал. А теперь она вот выкрутилась, как удивительный Гудини, из смиренной рубашки — и прости-прощай. «Метро» ведь очень милая книжка на самом деле, хоть и про ядерную войну. Романтическая. И герой такой симпатяга. И в «Сумерках» тоже никаких эксцессов. Но мистера Хайда пожизненно не упрячешь. Произошла смена караула. Теперь другой автор сидит в этом туловище. На самом деле, герой «Будущего» не злодей. Для той системы координат, в которой он действует, он совершенно органичен. И психопатия его, и истеричность, и сбитые этические и моральные прицелы — все логично, все для него естественно. Сложно было не подонка описать — сложно было писать честно. Не обелять его, не оправдывать, не подсуживать ему, не подыгрывать. Самому

себе честно признаться в том, что и я могу быть подонком, психом и животным — и быть им. Ради того, чтобы все получилось взаправду.

— В вашем романе есть эпизоды, ведущие к притче Толстого о старике, который сажал яблоны: старики, которые делают что-то вопреки смерти. Человек способен понять, зачем сажать яблоны, которые достанутся не тебе, а другим, только если он смертен. Если человек бессмертен, то никто не будет сажать яблоны для других. Согласны?

— Бессмертный смертного не разумеет. Когда мы наконец отменим смерть — а я не думаю, что так уж долго, при нынешнем уровне развития генной инженерии, этого придется ждать, — мы закончимся, как биологический вид. Исчезнет с Земли Homo sapiens, заступит на вахту Homo Immortalis. Смерть, смертность наша нас во многом определяет, если не во всем вообще. С того дня, как мы о ней узнаем — в три, в четыре года — забыть о ней мы уже не можем никогда. И все, что мы в жизни делаем — созидание, творчество, завоевания, изобретательство, — все это попытки хоть что-то смерти противопоставить, хоть как-нибудь земную кору царапнуть, прежде чем сплунуть насовсем. Смерть подстегивает нас, она заставляет нас торопиться жить. Какие у нас лекарства от смерти? Бог, дети и созидание. И вот, представьте, нет больше смерти. Значит, и Бог не нужен. К чему душа, когда тело вечно? Лишнее усложнение ваша душа. И дети, может, не нужны? Можете. Скажете, инстинкт — но вон китайцы, тысячу лет заводили громадные семьи, а стали их на десять тысяч долларов за второго ребенка штрафовать — и все, забыли о традиции и об инстинктах. И строить, может, не нужно. Не будет никаких следующих поколений, которым можно было бы наследие оставить: ты же этим и будешь пользоваться всегда. Ты будешь эти яблоки есть, и яблоки, которые еще от следующих поколений яблонь на землю упадут. Какими они точно будут, люди бессмертные? Не знаю. Я-то смертный. Мне только книги писать остается, и еще детей заводить.

— «Ничто так не поднимает человека над собой, как таблетки безмятежности», — говорит в романе персонаж Шрейер. По «Будущему», таблетки безмятежности убивают половой инстинкт. Значит, человек перестает быть самим собой без секса? Это вопрос о ваших блестяще написанных сексуальных сценах в романе.

— Ровно наоборот. Секс чудесен именно тем, что никакого отношения к человеку не имеет. Это совершенно животная история; звериная. Прелюдии могут быть переполнены челове-

ским: чтением Блока вслух, совместными походами в какой-нибудь театр «Практика», спорами о Бердяеве на прокуренной кухне, венскими балами, а итог — два голых существа, забыв, как говорить, кричат, рычат, стонут, кусаются, царапаются и тычутся друг в друга; и не дай бог в этой ситуации кому-то из них вспомнить о Бердяеве или Блоке. Секс разоблачает нас, выдергивает из набитой условностями, глупостями современности и швыряет в пещеры, на шкуры, на смятую траву. Штука не только в оргазме ведь, не только в этом зуде и не в разрядке. Штука в том, что он нам разрешает вспомнить, кто мы есть, побыть недолго самими собой — зверями. В этом мощь его. Недаром все тоталитарные режимы и все религии в первую очередь берутся окорачивать сексуальную жизнь граждан и паствы, разрешать нам секс и запрещать его. Берешь население за яйца — можешь делать с ним все, что угодно. Вся эта «мораль», все это «целомудрие» — это просто строгий ошейник, на который они нашего зверя сажают; а куда зверь — туда и надевший на него человек. А если инстинкт задушить, сделать человека асексуальным, то выйдет человек дистиллированный, без примесей животного, приближенный к божественному. И вот это и будет настоящая жуть.

— Почти все антиутопии основаны на унификации. Значит ли это, что единственный способ нам избежать страшного будущего — быть разными?

— Человек сделан из двух частей: из индивидуального и из социального. Эти две части пребывают обычно в балансе, и любые перекосы вызывают настороженность; хотя от общества к обществу возможны вариации. Индивидуализм очень осуждался в СССР и в Китае; а с Запада наша страна и Китай выглядели мурaveйниками, где обезличенные людишки-насекомые бесконечно насыпали свои кучи, заводили панельные и гранитные термитники, слаженно класали жвалами на ежегодных парадах всему миру в устрашение... Хотя изнутри, конечно, не были мы уж такими прямо насекомыми. Даже для нас насекомое обезличивание, конвейерное производство тел и душ было страшно, хотя совок и прививал нас от этого страха. Но, конечно, Запад этой унификации больше боится. Мы-то, постсоветские люди, научены, как снаружи выглядеть стандартной болванкой, а во внешней штампованной матрешке прятать внутреннюю, тепленькую, кастомизированную — настоящего себя. Поэтому, наверное, «Будущее» не русская книга, не российская. И места на кладбище русской литературы я с ее помощью себе не куплю.

4 Впервые в полном объеме выходят мемуары Антонины Пирожковой — «великой вдовы» Исаака Бабеля. Сорок лет она ждала возвращения писателя, арестованного НКВД в 1939-м, а после смерти Сталина первой добилась посмертной реабилитации мужа, «пробивала» сочинения, собирала воспоминания о нем и написала свои.

Пирожкова А.
Я пытаюсь восстановить черты. О Бабеле — и не только о нем.
М.: АСТ, 2013. — 605 с.

5 Красота требует жертв... особенно если это не красота, а миф о ней. В своей знаменитой монографии Наоми Вульф подробно разбирает современные стереотипы о том, какой должна быть «настоящая женщина» и вред, который они наносят настоящим женщинам без кавычек.

Вульф Н.
Миф о красоте. Стереотипы против женщин / Пер. с англ. А.Графовой, Т.Графовой.
М.: Альпина нон-фикшн, 2013. — 445 с.

6 Воспоминания Наума Дымарского — прекрасный подарок любителям спорта. Ведь именно из его радиои телерепортажей в 70—80-е мы узнавали о самых значимых событиях советского и зарубежного спорта, и в особенности — шахмат. Дымарский первым сообщал о победах Михаила Ботвинника, Василия Смыслова, Михаила Таля, Тиграна Петросяна, Бориса Спасского...

Дымарский Н.
У микрофона. Репортаж о жизни.
М.: Российская газета, 2013. — 216 с.

7 Она началась в 1961 году XXII съездом КПСС, принявшим программу построения коммунизма, и закончилась в 68-м оккупацией Чехословакии — маленькая противоречивая цивилизация под названием «советские 60-е». Артефакты загадочной эпохи исследуют и анализируют Петр Вайль и Александр Генис.

Вайль П., Генис А.
60-е. Мир советского человека.
М.: АСТ, Corpus, 2013. — 432 с.